

СОВРЕМЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА
CONTEMPORARY LITERATURE

DOI: 10.22363/2312-9220-2026-31-1-59-73

EDN: UJYFFU

УДК 821.161.1.0

Научная статья / Research article

«Прародительский текст» в повести Дарьи Доцук «Голос»

Ж.К. Гапонова , Е.В. Никкарева

*Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского,
Ярославль, Российская Федерация
jangapl@mail.ru*

Аннотация. Рассматриваются особенности репрезентации прародительского текста в повести Дарьи Доцук «Голос». Цель – выявление системы кодов (архетипического, лингвосомиотического и аксиологического), образующих основу рассматриваемого сверхтекста, а также устойчивых сюжетно-композиционных и предметно-образных компонентов, позволяющих говорить об интегрированности повести в прародительский сверхтекст, ядром которого выступают концептуальные слова-образы *бабушка* и *дед(ушка)*, *пра-родители*. Отмечается, что важным структурообразующим элементом прародительского текста в повести Д. Доцук становится образ преемника – внучки Саши, которая является нарратором и на развитие которой интенционально направлено воздействие системы анализируемых кодов, обеспечивающих целостность и воспроизводимость сверхтекста. Система персонажей повести, укладывающаяся в парадигму «внуки – прародители», позволяет говорить о ценностно-смысловой доминанте произведения – памяти. При анализе одной из ключевых функций прародителей – сохранении памяти рода и исторической памяти, – авторы последовательно показывают, что в повести «Голос» она реализуется через демонстрацию механизмов объединяющей постпамяти, при этом подробно описываются различные практики трансляции памяти: коммуникативная (Саша – бабушка Надежда Емельяновна), травматическая память «молчания» (сержант Рыжов), коммеморативная (Стас). Особо отмечается, что роль прародителей в повести, направленной на демонстрацию кардинальной трансформации героини-подростка в процесс поиска смысла жизни и своего места в ней, не ограничивается формированием родовой идентичности. Сохраняя архетипическую роль наставника на пути обретения индивидом собственного миропонимания, бабушка Надя выступает заместителем матери, принимающим на себя заботу о внучке, когда та «намеренно» бежит от родителей. Репрезентация прародительского текста необходима для обретения героями своих голосов, способных транслировать проблемы прошлого, осознавать их связь с настоящим и понимать свое

© Гапонова Ж.К., Никкарева Е.В., 2026

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

предназначение для будущего. Прародительский текст, выстраиваясь как целостная многоуровневая и многофункциональная система, играет в повести Д. Доцук «Голос» важную роль в понимании смысла произведения.

Ключевые слова: свертхтекст, прародительский текст, бабушка, дед, наследник, память, аксиологический код, архетипический код

Вклад авторов. Разработка идеи, сбор и анализ исследовательских данных – Ж.К. Гапонова; написание и редактирование рукописи – Е.В. Никкарева. Все авторы прочли и одобрили окончательную версию рукописи.

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Работа выполнена за счет средств гранта Российского научного фонда № 25-28-01541 «Репрезентация „прародительского текста“ в произведениях современной детской и подростковой литературы».

История статьи: поступила в редакцию 30 сентября 2025 г.; отрецензирована 15 ноября 2025 г.; принята к публикации 18 декабря 2025 г.

Для цитирования: Гапонова Ж.К., Никкарева Е.В. «Прародительский текст» в повести Дарьи Доцук «Голос» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2026. Т. 31. № 1. С. 59–73. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2026-31-1-59-73> EDN: UJYFFU

The Progenitors Supertext in Daria Dotsuk's Novella *The Voice*

Zhanna K. Gaponova , Elena V. Nikkareva

Yaroslavl State Pedagogical University named after K.D. Ushinsky, Yaroslavl, Russian Federation

 jangap1@mail.ru

Abstract. The article examines the features of the representation of the progenitors supertext in Daria Dotsuk's novella *The Voice*. The goal is to identify the system of codes (archetypal, linguosemiotic and axiological) that form the basis of the supertext in question, as well as the stable plot-compositional and subject-image components that allow us to talk about the integration of the story into the primordial supertext, the core of which is the conceptual word-image of grandmother and grandfather, the successor. It is noted that an important structuring element of the ancestral text in D. Dotsuk's novella is also the image of the successor – granddaughter Sasha, who is the narrator and whose development is intensively influenced by the system of analysed codes that ensure the integrity and reproducibility of the supertext. The system of characters in the novella, which fits into the paradigm of 'grandchildren – progenitors', allows us to talk about the value-semantic dominant of the work – memory. Analysing one of the key functions of the progenitors – the preservation of the family and historical memory – the authors consistently show that in the novella *The Voice* it is realised through the demonstration of the mechanisms of unifying post-memory, while describing in detail various practices of memory translation in the story: communicative (Sasha – grandmother Nadezhda Yemelyanovna), traumatic memory of 'silence' (Sergeant Ryzhov), commemorative (Stas). It is worth noting

that the role of progenitors in the novella, which aims to demonstrate the teenage heroine's fundamental transformation in the process of searching for the meaning of life and her place in it, is not limited to the formation of an ancestral identity. Retaining the archetypal role of a mentor on the way to finding one's own understanding of the world, grandmother Nadya acts as a substitute for her mother, taking care of her granddaughter when she is 'delirious'. The representation of the progenitor's text in the story is necessary for the characters to find their voices, capable of translating the problems of the past, realizing their connection to the present and understanding their purpose for the future. In D. Dotsuk's novella *The Voice*, the progenitors supertext, built as an integral multilevel and multifunctional system, plays an important role in understanding the meaning of the work.

Keywords: supertext, the progenitors supertext, grandmother, grandfather, successor, memory, axiological code, archetypal code

Authors' contribution. Development of the idea, research data collection & analysis – Zhanna K. Gaponova; manuscript writing & editing – Elena V. Nikkareva. All authors have read and approved the final version of the manuscript.

Conflicts of interest. The authors declare that there is no conflict of interest.

Funding. The work was carried out with funds from the Russian Science Foundation grant No. 25-28-01541 "Representation of the 'ancestral text' in works of modern children's and adolescent literature".

Article history: submitted September 30, 2025; revised November 15, 2025; accepted December 18, 2025.

For citation: Gaponova, Zh.K., & Nikkareva, E.V. (2026). The Progenitors Supertext in Daria Dotsuk's Novella *The Voice*. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 31(1), 59–73. (In Russ.) <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2026-31-1-59-73> EDN: UJYFFU

Введение

Современная российская литература для подростков постепенно вырабатывает привычку «думать о сложных проблемах вместе с детьми»¹. Если рассказ Т. Михеевой «Следующая остановка – небо!», посвященный бесланской трагедии, при первой публикации в 2010 г. прошел практически незамеченным, то выход в 2016 г. в издательстве «Самокат» повести Дарьи Доцук «Голос» вызвал живой отклик критиков и исследователей. В 2018 г. Д. Доцук была номинирована на независимую интернет-премию «На благо мира», присуждаемую лицам и организациям за гуманизм в искусстве и общественной деятельности, а в 2019 г. ее повесть была включена в каталог Международного совета по детской и юношеской книге (IBBY) – Outstanding books for young people with disabilities. Отмечаемый исследователями терапевтический потенциал произведения Доцук привлекает к ней внимание педагогического сообщества. Например, повесть была предложена М.И. Пушкиной для изучения восьмиклассникам в курсе предмета «Русская родная литература» в разделе «Современная литература. Проза о подростках и для подростков последних

¹ *Аромитам М.С.* Без языка // Папмамбук. 2017. 6 апреля. URL: <https://www.papmambook.ru/articles/1849/?ysclid=m82spiyq3l612865971> (дата обращения: 24.03.2025).

десятилетий»². Книга, с момента ее выхода неоднократно обсуждавшаяся в различных книжных клубах, стала предметом внимания в рамках совместного проекта Ярославского государственного педагогического университета им. К.Д. Ушинского и Центральной библиотеки имени М.Ю. Лермонтова «Литературная учительская „А поговорить?“»³.

Как отметила Т.В. Рудишина, повесть многослойна, современна, социально значима и художественна⁴. Однако в большинстве работ, посвященных анализу рассматриваемого произведения, внимание исследователей сосредоточено на таких линиях повествования, как последствия теракта, тема панических атак и трагического одиночества подростка: «Внезапно и резко прочерченная грань между обыденностью и катастрофой, между „все было как всегда“ и „потом произошел взрыв“ превращает обычную московскую старшеклассницу, готовившуюся перейти в выпускной класс, в „жертву теракта“, которая невольно выпадает из привычных семейных и школьных отношений» (Ничипоров, 2022, с. 219). Повесть может быть соотнесена с той разновидностью романа-инициации, которую Н.С. Шалимова определяет как роман-посттравму. Исповедальный характер наррации (от лица десятиклассницы Саши) с характерной для нее внутренней фокализацией, акцентированием внимания на переживаниях и ощущениях, направлен на освобождение от психологических последствий травмирующего события. И хотя в повести пунктирно обозначается линия отношений подростка и родителей, непонимания его взрослыми (Перепелкина, 2022, с. 23), на пути взросления ребенок не остается один: мудрым наставником, сопровождающим девочку в процессе инициации, выступает бабушка.

Цель статьи – выявление в повести Д. Доцук «Голос» системы кодов (архетипического, лингвосомиотического и аксиологического), а также устойчивых сюжетно-композиционных и предметно-образных компонентов, позволяющих говорить об интегрированности произведения в соответствии с указанными признаками в прародительский свертхтекст. Данный аспект исследования поэтики повести приобретает особую актуальность в год 80-летия Победы в Великой Отечественной войне при работе со старшеклассниками и студентами, которые из всех факторов, формирующих патриотизм, ставят на первое место «историю предков и рода» (Ростовцева и др., 2019).

Ключевое понятие «прародительский текст», рассматриваемое в рамках теории свертхтекста, определяет и методологию исследования. Понимая под свертхтекстом «ряд самостоятельных произведений словесного искусства, актуально и/или потенциально воспринимаемых в культурной практике (тексто-

² Рабочая программа «Родная литература 5–9 классы» / сост. М.И. Пушкина // Инфоурок. 2020. 13 мая. URL: <https://infourok.ru/rodnaya-literatura-5-9-klassy-4297284.html> (дата обращения: 29.06.2024).

³ Литературная учительская «А поговорить?» // Научно-просветительский проект «Русский логос»: [официальная страница ВКонтакте]. 2025. 2 марта. URL: https://vk.com/wall-211357569_1117?ysclid=m8yxgk627p602330346 (дата обращения: 24.03.2025).

⁴ Рудишина Т.В. [Отзыв о книге] // Блог Дарьи Доцук : книжный образ жизни. URL: <https://dariadotsuk.ru/books/> (дата обращения: 24.03.2025).

вой деятельности) в качестве целостной единицы» (Лошаков, 2008, с. 3), но при этом «имеющих общую внетекстовую ориентацию» (Меднис, 2003, с. 21), мы можем говорить о наличии устойчивых компонентов сверхтекста, в качестве которых чаще всего выступают концептуальные слова-образы *бабушка* и *дедушка*, аккумулирующие представления о прародительстве в национальной картине мира русского человека. Сосредоточенность сразу вокруг двух гендерно маркированных, но не составляющих гендерную оппозицию констант – *бабушка* и *дед/дедушка* (шире – *прабабушка*, *прадедушка*, а также иные персонажи, принимающие на себя роль прародителей и признаваемые протагонистом в качестве таковых) – определяет специфику прародительского текста по сравнению с другими сверхтекстами, сформировавшимися в русской литературе, позволяя воспринимающему сознанию формально чувствовать и очерчивать границы сверхтекста, интегрировать смыслы, объединяя свои ассоциативно-ценностные представления с теми, которые порождает контекст рассматриваемого литературного произведения и опыт знакомства с другими текстами. Структурообразующим элементом прародительского текста может также выступать образ преемника (внука, правнука или персонажа, признаваемого прародителями в качестве такового), на развитие которого интенционально направлено воздействие системы кодов, обеспечивающих целостность и воспроизводимость прародительского текста: аксиологического, архетипического и лингвосомиотического, которые образуют своего рода основу – инвариант прародительского текста. При этом следует отметить, что модель «прародитель – преемник» может быть реализована в художественном тексте при наличии хотя бы одного ядерного образа (бабушки либо дедушки) через специфический комплекс устойчивых сюжетно-композиционных, предметно-образных компонентов, мотивов, связанных с ментальными представлениями о бабушках и дедушках в национальной лингвокультуре.

Результаты и обсуждение

Специфика прародительского текста в повести Д. Доцук «Голос» проявляется в его пересечении с калининградским локальным сверхтекстом, архитекtonика которого отражает, как отмечает Л.М. Гаврилина (2010, с. 70–71), постоянно идущий диалог «старого/нового, немецкого/русского, довоенного/послевоенного, чужого/своего». Москва, для образа которой ключевым является представление о «перспективе» и в которой люди, ощущая постоянный дефицит времени, живут и общаются «по расписанию» (*Саша очень безответственно относится к своему будущему; на носу одиннадцатый класс, надо налегать на английский, сдавать экзамены, поступать в институт, строить карьеру. Нет времени болеть*⁵), противопоставлена «сонному» Калининграду, в котором «прошлое <...> продолжает параллельное с нашей реальностью существование». Имплицитно возникающая антитеза одинокой

⁵ Доцук Д.С. Голос. М. : Самокат, 2017. С. 31, 129.

старости и прародительства, опосредованная образом *полуразрушенных немецких домов*, которые в основном пустовали и незаметно приходили в упадок, как *одинокие старики*⁶, выступает для читателя маркером ключевой оппозиции «забвение – память», рассматриваемой в аспекте диалога поколений. Система персонажей, укладывающаяся в парадигму «внуки – прародители», позволяет говорить о памяти как ценностно-смысловой доминанте в общем поле смыслов прародительского и калининградского текстов.

Образы бабушки (Надежда Емельяновна), прабабушки и прадедушки Тишкиных, немецкой прапрабабушки Хильды Зайтц – фрау Рабарбер, деда Вани – сержанта Рыжова, а также внесценических персонажей – широколицего и веселого учителя математики – дедушки Саши, дочери майора Лыткина Лиды – бабушки Стаса и других персонажей-прародителей связывают нити повествования о современности и об истории Второй мировой войны. Позиционирование персонажей-подростков как *внуков* (например, *Глеб, внук Михал Егорыча; Стас попал в библиотеку из-за дедушки*⁷), не только определяет их вписанность в систему семейных отношений, противопоставленных детско-родительским, но позволяет реализовать представление о преемственности поколений в рамках модели, которую мы считаем базовой для русской национальной культуры при обращении к проблеме трансляции ментального опыта: прародитель – наследник. Несомненная ценность повести Д. Доцук в том, что читатель видит перед собой героев-сверстников, рефлексия которых о собственной роли в семье и социуме определяет высокую степень их агентности, проявляющейся в восстановлении и сохранении семейно-родовой памяти. Таким образом, одна из ключевых функций прародителей – сохранение памяти рода и шире – исторической памяти – в повести «Голос» реализуется через демонстрацию механизмов объединяющей постпамяти (Хирш, 2021, с. 263). При этом в повести показаны различные практики трансляции памяти: коммуникативная (Саша – бабушка Надежда Емельяновна), травматическая память «молчания» (сержант Рыжов), коммеморативная (Стас).

Мотив наследования семейно-родовой памяти реализуется не только как рассказывание прародителями «историй» (*Когда слышишь такие истории, сердце растёт. Это больно, но ты становишься лучше, сильнее*⁸), но и как ряд сюжетных коллизий, связанных с самостоятельным поиском внуками информации о своих предках, реконструированием прошлого и сохранением исторической правды (*когда дед умер, я вдруг понял, что вроде как несу ответственность за его историю. Она не должна вместе с ним пропасть. И я стал искать информацию – книги, письма, газеты того времени. Даже в архиве был*⁹), а также созданием ими собственного коммеморативного нарратива. Слово «история» таким образом аккумулирует в повести различные смыслы,

⁶ Доцук Д.С. Голос. М. : Самокат, 2017. С. 42.

⁷ Там же. С. 52.

⁸ Там же. С. 152.

⁹ Там же. С. 163.

возвращая читателя к первоначальному значению – рассказ о прошедшем, об узнанном¹⁰, тем самым актуализируя еще один аспект интерпретации заглавия повести – голос как свидетельство – и уравнивая в рамках художественной концепции повести *память и постпамять*.

При этом зоной интерференции калининградского и прародительского текстов становится проекция эпизодов травматического опыта прародителей на знаковые для истории Восточной Пруссии топосы. Так, центральным топосом сюжетной линии сержанта Рыжова (деда Вани) становится *невозможный, жестокий, бессмысленный... и укрытый молчанием* поселок Пальмникен, после 1946 г. переименованный в Янтарный, где 29 января 1945 г. были расстреляны около *трех тысяч евреев, которых пригнали в Пальмникен из концлагерей*, чтобы скрыть следы эсэсовских преступлений, – *больше, чем погибло 11 сентября*¹¹. Художественная концепция повести предполагает диалог точек зрения дедушки и внука как диалог двух стратегий памяти. Так, для сержанта Рыжова пережитый опыт связан с осознанным молчанием (*не любил об этом рассказывать*), с неоправдавшейся надеждой Стаса, что *перед смертью дед расскажет ему о штурме*, тогда как Стас стремится не только «выведать» сначала у деда, а затем у бабушки, но и представить историю героя как словесно оформленный опыт: «У каждого свой способ играть в бога <...> я тоже нашел один способ. Написал рассказ, чтобы воскресить одного парня»¹². Следующая далее история сержанта Рыжова, будучи отделена от основного повествования тремя астерисками, может быть рассмотрена как вставная новелла – один из обсуждаемых подростками на заседаниях читательского клуба «рассказов о смерти», что подчеркивается сменой типа повествования с личного на безличное с характерной установкой на объективность. При этом восприятие коммеморативного нарратива читателем опосредовано финализирующей репликой повествователя-протагониста – Саши: «Есть люди, чьи истории важнее их самих. Сержант Рыжов был одним из них. Он носил в себе эту правду как неизлечимую болезнь, никому не показывая, словно боялся заразить. Теперь Стас – хранитель его истории. И он выбрал не молчать»¹³, что позволяет показать события прошлого как переживаемые в настоящем, вписать события семейной истории в контекст истории страны, установив связь с современностью. По справедливому замечанию М. Третьяковой, «...память о трагедии Пальмникена неожиданно удачно рифмуется с посттравматическим синдромом героини». Катастрофическое событие индивидуальной биографии Саши, рассматриваемое через призму другой личной катастрофы – 17-летней террористки Дженнет, *которая верила, что идет за любимым в рай*¹⁴, в картине мира

¹⁰ Большой толковый словарь русского языка / под. ред. С.А. Кузнецова // Грамота. URL: <https://gramota.ru/biblioteka/slovari/bolshoj-tolkovyj-slovar?ysclid=ma3ko5ztwt617493966> (дата обращения: 24.03.2025).

¹¹ Доцук Д.С. Голос. М. : Самокат, 2017. С. 180.

¹² Там же. С. 162–163, 179.

¹³ Там же. С. 180.

¹⁴ Там же. С. 181.

повести встраивается в общую цепь «невыносимых в своей жестокости случайностей»¹⁵. При этом трагедия Пальменикена не единственная ретроспективная параллель теракту в московском метро. Для семьи Саши – это послевоенная история поселка Ушаково (до 1946 г. Бранденбурга) и образ кирхи Святого Николая, *обезглавленной не то английским, не то советским снарядом*, впервые возникший на бабушкиной карточке конца 1940-х и в контексте повести прочитываемый как символ судьбы переселившихся «на Неметчину» Емельяна и Мани Тишкиных – родителей бабушки Нади. Образы застывшего времени (*21 ноября в 8:14 утра*) – время теракта на станции метро «Парк культуры» и *...двадцать минут седьмого – точное время смерти*, которое показывают часы на обезглавленной кирхе, подчеркивают не только общий онтологический статус этих двух событий, но и изменение течения повседневной жизни (*невозможные четыре минуты до школы*¹⁶), распад нарративной картины мира, когда статус события для протагониста сохраняет лишь момент катастрофы. Автор повести отвергает концепцию исторического детерминизма, характерная для литературы травмы (в частности, для «литературы 9/11»). С ее точки зрения исторический выбор совершается в зависимости от того, кто приходит к герою «в самый уязвимый момент», что позволяет нивелировать деление на «жертв» и «убийц». Так, Саша, сопоставляя себя и Дженнет, замечает, что в момент судьбоносного выбора она *находится в таком душевном состоянии, когда ей нужны поддержка и помощь*. И если к Дженнет приходят *люди, одержимые жаждой мести*, то рядом с самой Сашей в этот момент бабушка, которая помогает внучке пройти *испытание*¹⁷, возвращая девочку к повседневной жизни, восстанавливая нарративную картину мира.

История Тишкиных так же, как и история сержанта Рыжова, вводится как чужое слово (*И бабушка стала рассказывать*¹⁸), оформляется как вставная новелла. Однако эти события встраиваются в структуру индивидуального переживания подростка, становятся основой для формирования его семейной идентичности. Как отмечает Ю.Б. Ничипоров, «затяжной психологический надрыв, укоренившийся, возможно, в родовой памяти, обнаруживается в том, что прабабушка, прожив на новом месте долгие годы, продолжала внутренне изо всех сил противиться этой среде, вследствие чего „проболела всю жизнь“, „море так и не полюбила“, ни разу не купалась в нем, отговариваясь тем, что пойдет, когда „чайки улетят“». Отталкивание от мучительных раздвоений («это не мое отражение, не моя жизнь»), намерение „встряхнуть реальность, чтобы все встало на место“, сопровождаются у героини [Саши – *Ж.Г.* и *Е.Н.*] раздумьями об отдаленном созвучии сегодняшних бед с участью прошедшей

¹⁵ Третьякова М. Подростковые книги на сложные темы: кто и зачем их пишет? // Kidsbookia. 2017. 10 января. URL: <https://lit-ra.info/articles/podrostkovye-knigi-na-slozhnye-temy-kto-i-zachem-ikh-pishet/> (дата обращения: 24.03.2022).

¹⁶ Доцук Д.С. Голос. М. : Самокат, 2017. С. 7, 9–10, 119, 124.

¹⁷ Там же. С. 139.

¹⁸ Там же. С. 143.

через войну и голод, искалеченной своей эпохой прабабушки – „угрюмой северной женщины, которая боялась чаек“. Прикосновение к перипетиям наследственного опыта отчасти избавляет ее от болезненной самозамкнутости» (2022, с. 222).

Потребность Надежды Емельяновны делиться воспоминаниями, которые не только ложатся в основу знания Саши об истории рода, но становятся частью ее духовного опыта, установка на трансляцию памяти в процессе коммуникации, позволяют говорить о реализации в повести Д. Доцук стратегии, которая наиболее характерна для прародительского текста русской литературы для детей и подростков: *...сама не знаю, зачем я стала рассказывать*» (бабушка); *Когда слышишь такие истории, сердце растет* (внучка). Внимание автора сконцентрировано при этом на рефлексии подростка, когда через бабушкины рассказы формируется чувство причастности к семейно-родовой истории как важной составляющей семейной идентичности: «Я решила, что буду считать фрау Рабарбер своей немецкой прапрабабушкой». Родовая память, передающаяся через рассказы о прабабушках и прадедушках, становится связующим звеном между прародителями и внуками, помогает подросткам осознать свое предназначение как хранителей символического «семейного капитала»: «Кроме меня, некому помнить историю Ревнивого пирога»¹⁹.

Вместе с тем роль прародителей в прозе, направленной на демонстрацию кардинальной трансформации протагониста в процесс поиска смысла жизни и своего места в ней, развертывающейся по сценарию обряда посвящения, не ограничивается формированием родовой идентичности. Сохраняя свою архетипическую роль наставника на пути обретения индивидом собственной идентичности, бабушка Надя выступает заместителем матери, принимающим на себя заботу о внучке, когда та «намеренно» бежит от родителей: «...когда я в Кёниге, им станет полегче. Отцу не придется каждый день видеть меня, а маме – отцовские оголенные нервы. Осталось только выздороветь. Отец дал мне на это три месяца»²⁰. В интервью Еве Логиновой из Детской редакции «Живой классики» Д. Доцук так комментирует выбранный сюжетный ход: «Мы с редактором думали, что, наверное, получилось бы лучше, если бы Саша осталась в Москве и все трудности преодолевала здесь. Так было бы правильно с точки зрения терапии и лечения, но с точки зрения моего личного опыта понятно, что человек, который не знает, в чем заключается проблема и как ее решить, хочет убежать, спрятаться. Поэтому я сразу придумала историю отъезда»²¹. Высвечивая проблему детско-родительских отношений, мотив бегства запускает сюжет инициации, первым этапом которого является

¹⁹ Доцук Д.С. Голос. М. : Самокат, 2017. С. 152.

²⁰ Там же. С. 12.

²¹ Доцук Д.С. «В сложные времена мы часто обращаемся к прошлому и пытаемся найти там ответы». Писательница Дарья Доцук о целительной литературе, творческом пути и детстве в Алматы : интервью Е. Логиновой // Лифт. 2022. 2 сентября. URL: <https://lift-journal.ru/dialogs/tpost/fz98ga66z1-v-slozhnie-vremena-mi-chasto-obraschaems?ysclid=m8yu7vsk3q643127920> (дата обращения: 24.03.2025).

физическое отделение героини от родителей, которому предшествует эмоциональная сепарация. Ощущение, что мама «не понимает» Сашу, «тяжелое одиночество» маркировано в «московских» главах местоимениями я (*мне, меня*) и местоимениями третьего лица (*он, она, ей, с ней*), определяющими родителей, тогда как в «калининградских» главах доминируют местоимения *мы (наша)*, передающие важное для бабушки Нади и Шули (как бабушка ласково называет героиню) чувство сопричастности и маркирующие внимание автора к этапу изоляции (*мы с бабушкой, вдвоем с бабушкой, вечно с бабушкой*). Только внешнее сходство с отцом – «ужасные брови – густые, широкие, неправильные»²² противопоставлено духовному родству с бабушкой, наличию у них общих интересов, таких как вечернее чаепитие и чтение (*маленький книжный клуб*). Повседневные совместные практики, определяющие в сознании героини каникулы у бабушки, выступают своего рода якорями, фиксирующими границы привычного, устоявшегося мира: «Я принесла ей ромашковый чай и „Мы все из Бюллербю“ – любимую нашу книжку, такую же неотъемлемую часть летних каникул, как Ревнивый пирог. Мы всегда растягивали ее, чтобы хватило на все три недели, – по одной-две истории перед сном»²³. Наречия *всегда, снова*, характеризующие уклад в доме бабушки, отсылают и к эксплицитированному в тексте мотиву возвращения в детство: «Рядом с бабушкой, под ее теплым понимающим взглядом, я потихоньку проваливалась в детство. Бабушка словно припрятала его в коробке с овсяным печеньем, и с каждым кусочком я становилась младше»²⁴. Этот мотив актуализирует особый тип детско-прародительских отношений, когда безусловная любовь бабушек и дедушек формирует у внуков чувство защищенности, а проблемы взрослого мира воспринимаются как внешние. Обращения бабушки «девочка моя», «маленькая моя», характерные при разговоре с детьми, использование стилистически ограниченного в употреблении глагола «кушать» (*Ну, маленькая моя, чего ты расстроилась? Кушать не хочешь? Не кушай!*²⁵) возвращают Саше это утраченное ощущение стабильности и защищенности, с развертыванием повествования вырастающее в чувство «дома». Показательно, что «маленькая моя» в устах матери воспринимается героиней как одно из «пустых» и «бесполезных» слов: «Слова и поглаживания не оставят приступ»²⁶. В этом сопоставлении можно увидеть еще один ключ к пониманию прародительского текста: в речи бабушки реализуется установка на другое – воспринимающее – сознание, тогда как родители в начале повести способны воспринимать дочь только как проекцию себя.

Жизнь бабушки упорядочена и подчинена определенным ритуалам: танцевальные вечера, школа компьютерной грамотности, походы на рынок за по-

²² *Доуж Д.С.* Голос. М. : Самокат, 2017. С. 22.

²³ Там же. С. 116.

²⁴ Там же. С. 47.

²⁵ Там же. С. 63.

²⁶ Там же. С. 15.

купками, ежегодная Бранденбургская ярмарка, – и приезд внучки не нарушает привычного течения жизни, но расширяет круг ритуалов и традиций за счет совместных: «По вечерам мы, как настоящие английские леди, садились у камина, пили ромашковый чай из фарфоровых чашек и читали, обмениваясь отрывками и впечатлениями»²⁷. Через сравнение с «английскими леди» подчеркивается единение бабушки и внучки. Этот образ выступает оцеляющим фактором и при создании портрета бабушки Нади – бывшей учительницы русского языка и литературы – в своей основе типического (очки, клетчатая сумка-тележка и другие детали): «С бабушкой Надей мне повезло, действительно повезло. Она до сих пор любит наряжаться, делать прически и устраивать чаепития с домашней выпечкой»²⁸. Традиционная для русского человека ассоциированность бабушки с пирогами, готовностью накормить, представление о них как о своего рода «матриархах» – «на них держится дом, они в вечных трудах и хлопотах, они всех окормляют» (Савкина, 2011, с. 116) – реализованы и в повести Д. Доцук: «...Она-то и рада утруждаться и целый день печь пироги, у нее все вкусные – с капустой, с сыром, с вишней, но особенно – с ревенем. Пироги с ревенем я только у бабушки ем, в Москве ни разу не встречала»²⁹. Однако в повести пироги из гастрономической детали, маркирующей типическую природу образа, становятся деталью символической. Образ «ревнивого пирога», которым бабушка пытается «откармливать» внучку – «для смелости», приобретает символическое значение, выступая «лекарством» в прямом и переносном смысле, когда обретение памяти рода позволяет Саше выйти за пределы своего «Я».

Определяющими бабушку характеристиками становятся подчеркнутая витальность (*неубиваемое желание танцевать, шутить, ходить на выставки*), самоирония, умение *забавно передразнивать внутренние голоса*, а также наличие собственного образного, с характерными словечками и присказками «языка» (например, о куске пирога – *Потому что один – это не порция, а дразнилка какая-то; шуткуешь*³⁰). Создание речевого портрета героини позволяет акцентировать внимание читателя на архетипических основаниях образа бабушки, в которые заложено представление о мудрости, заключающейся, как отмечают исследователи, в том, чтобы принять внучку такой, какая она есть (Перепелкина, 2022, с. 24; Хузятуллина, 2022). В тексте повести мудрость реализована через речевые жанры наставления, совета, ставшего для Саши той точкой опоры, благодаря которой героиня начинает преодолевать трудности: «...твоя жизнь не остановилась. Это и есть жизнь. Болезнь, преодоление болезни – все это жизнь. Болезнь уйдет тогда, когда уйдет. Не надо ее поторапливать. А пока она здесь, нужно искать мира в душе, сосредоточиться на себе, а не на том, кто что скажет и подумает <...> Ты себя как

²⁷ Доцук Д.С. Голос. М. : Самокат, 2017. С. 47.

²⁸ Там же. С. 45.

²⁹ Там же. С. 21.

³⁰ Там же. С. 49, 62, 63, 136.

в тисках держишь. Отпусти! Не оглядывайся ни на кого. У тебя свой путь, по чужому пройти не получится. Подумай, что сейчас нужно тебе самой. Кроме тебя этого никто не знает. Ни мама, ни папа, ни я. Только Ты сама»³¹.

Архетип мудрой старухи реализован и через сравнение бабушки с шаманкой: «...бабушка терпеливо меня утешала, заговаривала полушепотом, как старая шаманка»³². Наделенность бабушки особым сакральным знанием, сочетающимся с терпеливостью, способностью ждать, автор подчеркивает с помощью повторяющихся ситуаций, когда бабушка успокаивала внучку: «Иногда ей почти удавалось меня успокоить, но потом я снова вспоминала отца и экзамены и заливалась слезами <...> Бабушка начинала сначала»³³.

На наш взгляд, мудрость бабушки заключается не только в готовности принять внучку и ее психологическое состояние, но и в том, что она в полной мере реализует свою прародительскую функцию, сопровождая героиню на всех этапах инициации, провоцируя переход на новый этап «испытания» – знакомством с подростками – членами книжного клуба «У белого камина», поездкой на Бранденбургскую ярмарку, рассказом о своей травме Стасу. Центральным эпизодом в цепи испытаний становится расширяющая границы «мирка на двоих» до дружеского круга сверстников поездка героини на Бранденбургскую ярмарку, цель которой – увидеть Ушаково *за нас обеих*, и все сфотографировать, *чтобы бабушка провела... экскурсию, не выходя из дома*. Характерный для одного из ведущих жанров литературы травмы – романа возвращения – мотив путешествия потомков на историческую родину предков как один из сценариев межпоколенческой передачи опыта, чего требует жанровая модель, приносит разочарование (...*Ушаково уже не то*³⁴), но маркирует новый этап взросления героини, связанный с умением ставить в приоритет интересы другого. При этом бабушка дает Саше возможность самой пройти испытания, направляя ее, поддерживая, помогая преимущественно советами, но позволяя принимать самостоятельные решения, ненавязчиво помогая девочке наладить отношения в семье, избавиться от чувства вины, формируя новое – взрослое – отношение к травматическому опыту: «И все же мало-помалу бабушкины слова наполняли меня силой и – неожиданно – благодарностью. Да, я огляделась по сторонам и поняла вдруг, что благодарна за эту жизнь: за остров каштанов, за невероятные рассказы, прочитанные в книжном клубе, за Стаса и „Страну аистов“, за бабушку Надю и фрау Рабарбер. Это моя болезнь привела меня сюда. Это она познакомила меня с ними. Чувство вины и стыда спадало, как высокая температура после жаропонижающего. Наверное, мне было необходимо, чтобы кто-то сказал: „Отпусти“. Потому что сама бы я себе этого не позволила»³⁵.

³¹ Доуж Д.С. *Голос*. М.: Самокат, 2017. С. 155–156.

³² Там же. С. 155.

³³ Там же. С. 155.

³⁴ Там же. С. 116, 137.

³⁵ Там же. С. 155–156.

Заключение

Таким образом, прародительский текст в повести Дарьи Доцук «Голос» выстраивается как целостная многоуровневая и многофункциональная система. Представленный гендерно сбалансированно и многослойно, прародительский текст выступает оцеляющим фактором для художественного мира повести, превращая сюжетные линии в *истории, которые невозможно просто оставить на странице, их забираешь с собой*. Он становится важным инструментом передачи нравственно-культурных ценностей от одного поколения к другому. Его репрезентация необходима для обретения героями своих голосов, способных транслировать проблемы прошлого, осознавать их связь с настоящим и понимать свое предназначение для будущего. Как только в сознании Саши возникает приоритет семейных интересов над личностными (поездка в Ушаково ради фотографий для бабушки ее родных мест), подросток понимает свою значимость и терапевтический эффект начинает свое действие.

Многослойность прародительского текста связана с трансляцией традиционных ценностей русского человека через образы прародителей: историческая память и преемственность поколений, служение родине, трудолюбие, приоритет духовного над материальным, милосердие, справедливость, взаимопомощь и взаимоуважение.

Важно подчеркнуть, что о прародительском тексте можно говорить лишь в контексте актуализации аксиологического кода. Функция бабушки и дедушки в произведении Дарьи Доцук связана с осмыслением концептуально-нравственной идеи сохранения памяти. С образами бабушек и дедушек соотносится комплекс представлений, связанных с трансляцией и сохранением культурной памяти, часто воспринимаемой не только как родовая, семейная, но и как историческая, обусловленная отражением событий в стране, отношением к ним народа. Описание совместных вечеров, прогулок, походов в магазин, во время которых между Сашей и бабушкой происходят долгие разговоры, замедляет развитие действия, но позволяет обозначить границы «своего», выход за пределы которого становится важным шагом на пути взросления.

Повесть заслуживает пристального внимания со стороны педагогического сообщества с целью обсудить с современными школьниками актуальные проблемы подростков, специфику детско-прародительских отношений, поскольку после прочтения повести Д. Доцук «Голос» мы можем взять с собой довольно много историй, не все из которых нашли отражение в настоящем анализе.

Список литературы

- Гаврилина Л.М. Калининградский текст как метатекст культуры // Кантовский сборник. 2010. № 3(33). С. 64–79.
- Лошаков А.Г. Сверхтекст: семантика, прагматика, типология : автореф. дис. ... д-ра филол. наук [Место защиты: Вят. гос. гуманитар. ун-т]. Киров, 2008. 50 с.

- Меднис Н.Е. Сверхтексты в русской литературе : учеб. пособие. Новосибирск : Новосиб. гос. пед. ун-т, 2003. 170 с. EDN: VXHJAT
- Ничипоров И.Б. Современность глазами подростка: повесть Дарьи Доцук «Голос» // Пушкинские чтения – 2022. Классическая и новая словесность в XXI веке: жанр, автор, текст, медиатизация : материалы XXVII Междунар. науч. конф., Санкт-Петербург, 6–7 июня 2022 г. / отв. ред. С.А. Петрова. СПб. : Ленинградский гос. ун-т им. А.С. Пушкина, 2022. С. 219–224. EDN: GVCTXR
- Перепелкина Л.П. «Сложные» темы в повести Д. Доцук «Голос» // Текст. Образование. Коммуникация: стратегии работы с текстом как основа формирования функциональной грамотности : сб. науч. статей по материалам Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием, Ярославль, 5 апреля 2022 г. / под общ. ред. Н.В. Лукьянчиковой и Н.В. Страховой. Ярославль : Институт развития образования, 2022. С. 22–27. EDN: ANINKH
- Ростовцева Л.И., Гельфонд М.Л., Мирошина Е.Ю. Патриотизм в сознании молодежи // Философия хозяйства. 2019. № 1(121). С. 206–215. EDN: YZIQPR
- Савкина И.Л. «У нас уже никогда не будет этих бабушек»? // Вопросы литературы. 2011. № 2. С. 109–135. EDN: TZUZZZ
- Хальбвакс М. Социальные рамки памяти / пер. с фр. и вступ. статья С.Н. Зенкина. М. : Новое издательство, 2007. 346 с.
- Хири М. Поколение постпамяти. Письмо и визуальная культура после Холокоста. М. : Новое издательство, 2021. 428 с.
- Хузятуллина Т.В. Проблема становления героя в повести Дарьи Доцук «Голос». Методические рекомендации к изучению произведения // *Studia Humanitatis*. 2022. № 2. URL: <https://st-hum.ru/content/huzyatullina-tv-problema-stanovleniya-geroya-v-povesti-dari-docuk-golos-metodicheskie> (дата обращения: 24.03.2022).

References

- Gavrilina, L.M. (2010). Kaliningrad supertext as a metatext of culture. *Kantovskij Sbornik = Kant's Collection*, (3), 64–79. (In Russ.)
- Halbwachs, M. (1994). *Les Cadres Sociaux de la Mémoire*. Albin Michel.
- Hirsch, M. (2021). *Generation of Postmemory: Writing and Visual Culture after the Holocaust*. Moscow: New Publishing House. (In Russ.)
- Khuziatullina, T.V. (2022). Problem of the hero's formation in the story "Voice" by Daria Dotsuk. Methodological recommendations to the study of the work. *Studia Humanitatis*, (2). (In Russ.) <https://st-hum.ru/content/huzyatullina-tv-problema-stanovleniya-geroya-v-povesti-dari-docuk-golos-metodicheskie>
- Loshakov, A.G. (2008). *Supertext: Semantics, Pragmatics, Typology* [Unpublished doctoral dissertation]. Vyatka State Humanitarian University. (In Russ.)
- Mednis, N.E. (2003). *Supertexts in Russian Literature*. Novosibirsk State Pedagogical University Publ. (In Russ.) EDN: VXHJAT
- Nichiporov, I.B. (2022). Modernity through the eyes of a teenager: the story of Daria Dotsuk "The Voice". In S.A. Petrova (Ed.), *Pushkin Readings – 2022. Classical and New Literature in the XXI Century: Genre, Author, Text, Mediatization. Proceedings of the XXVII International Scientific Conference, June 6–7, 2022, Saint Petersburg* (pp. 219–224). Pushkin Leningrad State University Publ. (In Russ.) EDN: GVCTXR
- Perpelkina, L.P. (2022). "Complex" topics in D. Dotsuk's "Voice" story. In N.V. Luk'yanchikova, & N.V. Strakhova (Eds.), *Text. Education. Communication: Strategies of Work with the Text as a Basis for the Formation of Functional Literacy. A Collection of Scientific Articles on the Materials of the All-Russian Scientific-Practical Conference with International Participation, April 5, 2022, Yaroslavl* (pp. 22–27). Yaroslavl: Institute for Education Development Publ. (In Russ.) EDN: ANINKH

- Rostovtseva, L.I., Gel'fond, M.L., & Miroshina, E.Yu. (2019). Patriotism in the minds of young people. *Philosophy of Economy*, (1), 206–215. (In Russ.) EDN: YZIQPR
- Savkina, I. L. (2011) “We will never have these grandmothers again”? *Voprosy Literatury*, (2), 109–135. (In Russ.) EDN: TZUZZZ

Сведения об авторах:

Гапонова Жанна Константиновна, кандидат филологических наук, доцент, декан факультета русской филологии и культуры, доцент кафедры русского языка, Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского, Российская Федерация, 150000, Ярославль, ул. Республиканская, д. 108/1. ORCID: 0000-0001-9248-226X; SPIN-код: 9005-6469. E-mail: jangap1@mail.ru

Никкарева Елена Викторовна, старший преподаватель кафедры культурологии, Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского, Российская Федерация, 150000, Ярославль, ул. Республиканская, д. 108/1. ORCID: 0000-0003-0014-1404; SPIN-код: 7891-5548. E-mail: enikkareva@mail.ru

Bio notes:

Zhanna K. Gaponova, PhD in Philology, Associate Professor, Dean of the Faculty of Russian Philology and Culture, Associate Professor at Russian Language Department, Yaroslavl State Pedagogical University named after K.D. Ushinsky, 108/1 Respublikanskaya St, Yaroslavl, 150000, Russian Federation. ORCID: 0000-0001-9248-226X; SPIN-code: 9005-6469. E-mail: jangap1@mail.ru

Elena V. Nikkareva, Senior Lecturer at Department of Cultural Studies, Yaroslavl State Pedagogical University named after K.D. Ushinsky, 108/1 Respublikanskaya St, Yaroslavl, 150000, Russian Federation. ORCID: 0000-0003-0014-1404; SPIN-code: 7891-5548. E-mail: enikkareva@mail.ru